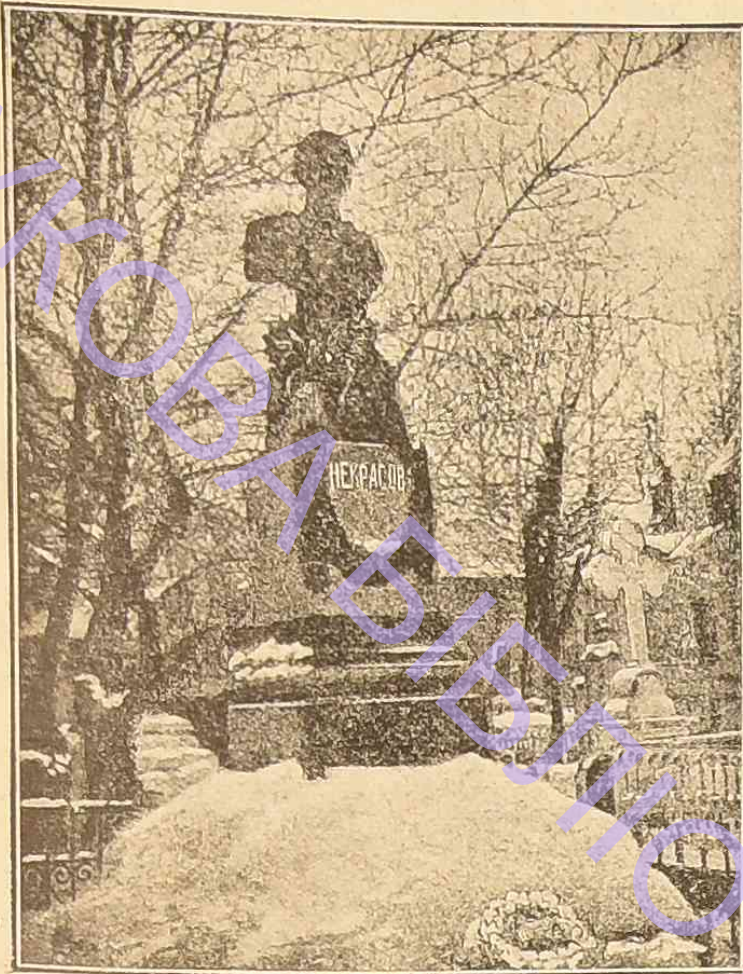

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

№ 5483.

Воскресенье, 2-го декабря 1901 г.

№ 5483.

Памятникъ на могилѣ Н. А. Некрасова, въ Новодѣвичьихъ могилахъ въ Петербургѣ.
(Къ 80-лѣтію со дня его рожденія).

Мраморъ и павилика.

Г. Орвича *).

На верандѣ красиваго, въ изящномъ стилѣ, дома сидѣла молодая женщина. Она одѣта была въ свѣтлое; матовая блѣдность лица ея рѣзко выступала въ рамкѣ черныхъ волосъ, низко на лбу зачесанныхъ, закрывающихъ уши и завернутыхъ на макушкѣ въ большой узелъ.

У нея были полуоткрытыя уста, большіе, глубокіе, полные власти глаза, одновременно задернутые облакомъ печали.

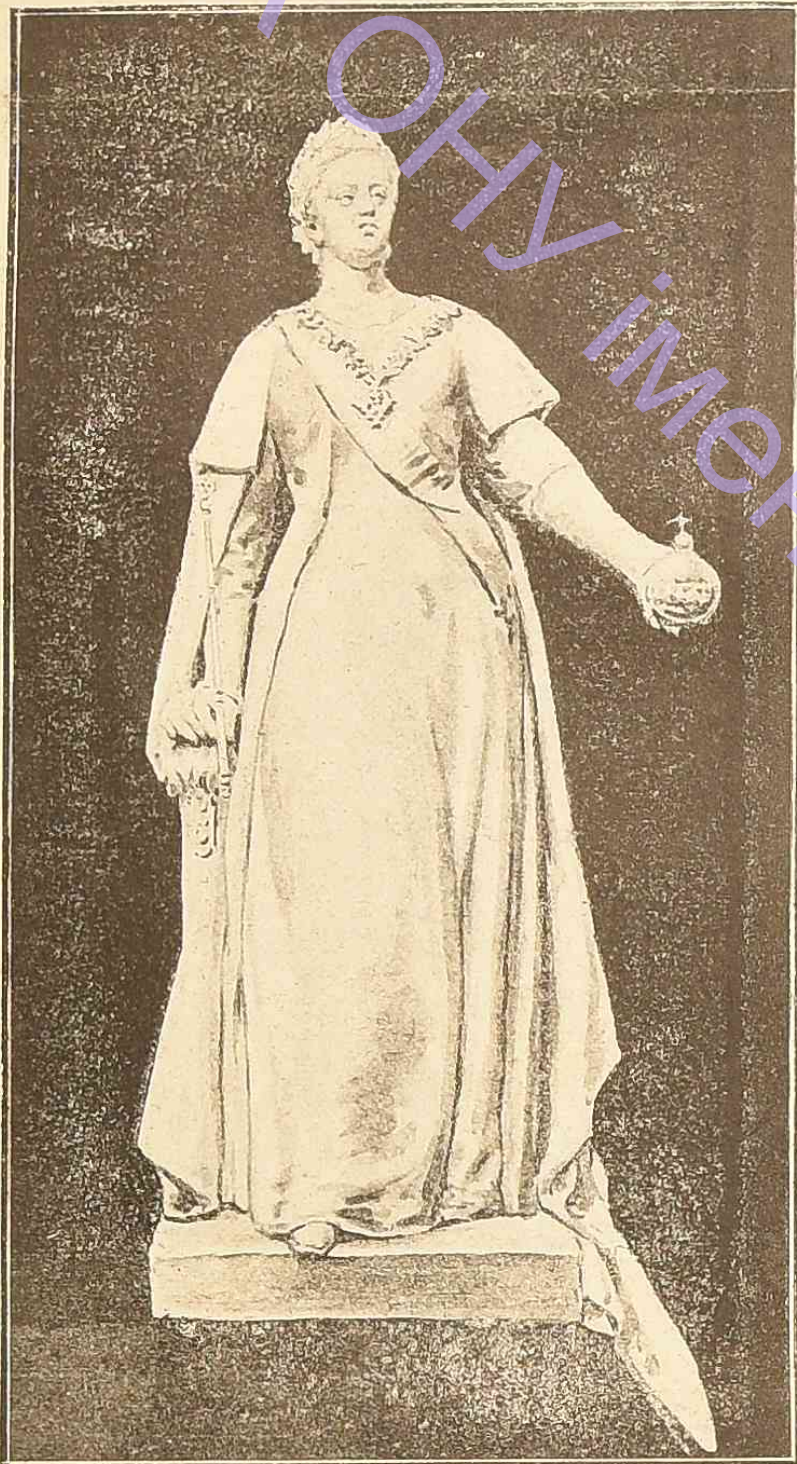
Былъ тихій, дышащій жаромъ полудня день; листья на деревьяхъ лѣпно шелестѣли, какъ-бы отъ усталости теряя силу; сквозь густую чащу ихъ пробивалось солнце и золотыми пятнами ложилось на песокъ, напоминая эффектъ великолѣпныхъ картинъ Семирадекаго.

Маленькія руки свои молодая женщина сложила на колыняхъ; около нея лежала книга, тутъ-же была разбро-

*) „Пріаз. Кр.“

Г. Г. Штапельбергъ,
бывшій гласный и членъ управы,
† 26 ноября 1901 г.

Памятникъ Императрицѣ Екатеринѣ II въ г. Вильнѣ.
Работы художника М. М. Антокольскаго.

бывала раньше, что въ ней затихло даже сознание впечатлѣній, не забавляла ее роскошь, какою она была окружена; она ясно чувствовала одно только, и чувствомъ этимъ было уединеніе.

Мужъ, который далъ ей эту красивую, позолоченную клетку, вѣлъ ее изъ семьи своего служащаго. Нѣкоторое время, измученный продолжительной ролью друга какой-то отцѣв-

тающей красоты, провелъ онъ въ деревнѣ.

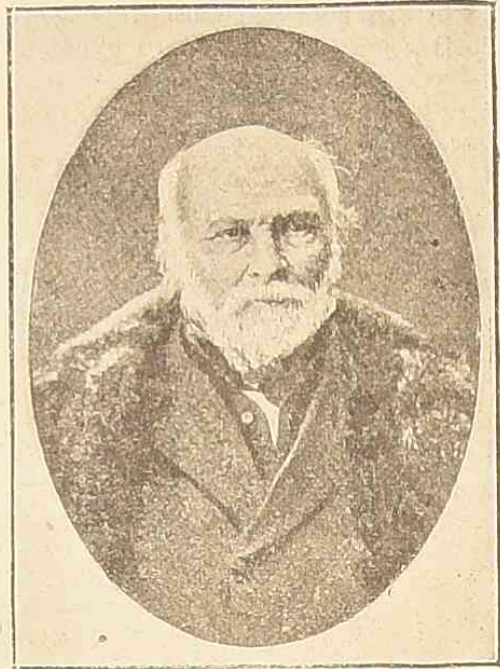
И вдругъ захотѣлось ему иной жизни. Эстетикъ, знатокъ оцѣнилъ роскошный цвѣточекъ полей и взялъ его, какъ свой, хотя, конечно, не обошлось безъ нѣкоторыхъ жертвъ.

Для своей Манечки онъ долженъ былъ раскоптать много предразсудковъ, которые въ его семьѣ пустили крѣпкіе корни.

Благословеніе матери онъ долженъ былъ вырвать почти насильно и то только для того, чтобы избѣжать скандала и чтобы люди не могли говорить, что послѣдній Корчакъ-Корчинецкій самовольно ввелъ въ родное гнѣздо проныру.

Но его мать, Эмилиа Корчакъ-Корчинецкая, урожденная Оборотвичъ, „королева-мать“, какъ въ шутку прозвали ее, въ душѣ никогда не могла простить неравенства. Всегда съ саркастической улыбкой смотрѣла на „дорогую Марыньку“, на каждомъ шагѣ показывая ей, что между ними лежитъ неизлечимая пропасть!

Холодъ ея такъ морозилъ невѣстку, что при ней Манечка становилась дѣйствительно целовкой, несмѣлой, дѣлала тысячу мелкихъ провинностей противъ этикета и иногда была прямо таки смѣшной. Она отлично сознава-

Н. И. Пироговъ,
знаменитый хирургъ и педагогъ.
(По случаю 20-лѣтія со дня смерти).

кой невидимкой отдѣляться отъ нея, болѣзненно роняя ея собственное достоинство.

Евгеній Корчакъ-Корчинецкій былъ человекомъ въ расцвѣтѣ силъ. Изящный, надменный, самопамятный, жену любилъ по своему, но въ его отношеніяхъ къ ней былъ тонъ чего-то вышшаго, который дѣлалъ то, что въ его присутствіи Марія чувствовала себя связанной, смотрѣла на него, какъ испуганная серна большими глазами. Когда-же онъ обращался къ ней съ вопросомъ, она краснѣла, блѣднѣла, слова вязли у ней въ горлѣ, говорила банальныя вещи и сознавала, что кажется ему совсѣмъ не такой, какой была въ дѣйствительности.

Послѣ двухъ лѣтъ сожительства онъ началъ все больше и больше забывать ее; напрасно она идеализировала его въ своемъ воображеніи; рѣшила быть смѣлѣе съ нимъ и высказывать ему все свои мысли. Можетъ быть, открывши ему свою душу, сумѣетъ привязать его къ себѣ болѣе крѣпкими узами, чѣмъ таинство!

Такъ, въ длинныя, проведенныя въ одиночествѣ часы, думала Марія; но проходили дни, недѣли, а отношенія ихъ оставались безъ измѣненія.

Евгеній принадлежалъ къ категоріи людей, для которыхъ наружная коммодитность составляетъ основу жизни. Въ глубинѣ души дошелъ онъ до убѣжденія, что „дорогая Марынька“ всегда будетъ пріятельнымъ, провинціальнымъ гусенкомъ, потому что инымъ ничѣмъ не можетъ быть.

Знать, что это что-то столь возвышенное, что она встрѣчается между людьми высшей сферы! Достоинство это не можетъ быть приобретено! — повторялъ въ душѣ пресловутый коммунаръ.

— Что жъ дѣлать? Нужно, наконецъ, окончательно отъ чего-нибудь

Е. С. Маловъ,
ветеринарный инспекторъ г. Одессы.
(По случаю 25-лѣтія его дѣятельности).

отречься! Отчасти я даже радъ, что она такая „деревенщина“, потому что это оберегаетъ ее отъ сближенія съ великосвѣтскими дамами, отъ которыхъ она могла легко-бызаразиться легкомысліемъ, научиться лицемерію и познать вкусъ во флиртѣ!.. Теперь же уклоняясь отъ свѣта и скрываясь въ сторахъ, она имѣетъ еще прелесть полевого цвѣточка.

Но грустные глаза, нѣкогда привлекавшие его переставали интересоваться. — Въ ней есть какая-то суровость

извѣстный „bon danseur“, наилучшій товарищъ въ кругу друзей и спортсменовъ, отлично проводилъ время въ домѣ, тогда какъ покинутая „дорогая Марынька“ вела монастырскую жизнь, съ каждымъ днемъ становясь блѣднѣе, тише и грустнѣе. И это меланхолическое настроеніе духа граничало почти съ совершенной апатіей. Мужъ, казалось, не замѣчалъ ничего.

Иногда, вѣхотя бросалъ онъ холодный, но вѣжливый вопросъ.

— Можетъ быть у тебя мигрень?..

Она сознавала, что „они“ странно высматривали бы на этомъ изящномъ фонѣ, что поражали бы своей сѣростью и деревенщиной. Впрочемъ, мужъ требовалъ, чтобы „уважаемая родня“, какъ выражался онъ, несколько возможно держалась бы въ сторахъ.

Въ эту минуту Марія сидѣла на верандѣ: оперлась на балюстраду и смотрѣла передъ собой...

Тяжелые шаги нарушили тишину. Старый огородникъ несъ только что выкопанный изъ земли, огромный

— Баринъ приказали! — отвѣтилъ старый слуга, привыкшій признавать въ домѣ волю барина. — Эта зелень должна обвить мраморную колонну въ концѣ зала.

И хотѣлъ было пройти мимо, чтобы исполнить приказаніе барина, не забывая о томъ, что говорила барыня.

А тихой, кроткой барынь, никогда не объявлявшей собственнаго желанія, вдругъ стало безконечно жаль вырваннаго изъ грунта растенія, точно это было живое существо... Что то возму-

1) Апостолу (лирич. теноръ). 2) Г-жа Мари д'Арнебро (драмат. сопрано). 3) Г. Брави (лирич. теноръ). 4) Г-жа Арманда дель-Аббати (меццо сопрано). 5) Г-жа Ида Роніо (прима-балерина). 6) Г. Наварини (басъ). 7) Г. Мансуэтто (басъ). 8) Г. Джиральдопи (баритонъ). 9) Г-жа Брамбилла (колорат. сопрано). 10) Г. Матасини (теноръ).

Итальянская опера въ Одесскомъ Городскомъ театрѣ 1901—1902 г.

монахи, — иногда говорилъ онъ себѣ, — и невольность d'une ravueue!

Потому предоставилъ онъ женѣ совершенную свободу, то есть пересталъ требовать отъ нея посѣщенія большаго свѣта, чего сама совершенно не избѣгала; тѣмъ-же, которые спрашивали его о женѣ, уклончиво отвѣчалъ что она не совсѣмъ здорова, что развлеченія и шумъ утомляютъ ее: однимъ словомъ, со временемъ все привыкли къ такому порядку, и Евгений,

Ты сегодня блѣдна!

Она однообразно отвѣчала:

— Со мной ничего не случилось!

Никогда не слышала она нѣжнаго звука въ его голосѣ и, со своей натурой мимозы, все больше замыкалась въ себѣ, укрывалась въ тѣнь, прозябала въ созданной атмосферѣ, и безграничной тоской переполнялась ея душа.

Ей вѣрно было порвать съ прошлымъ, съ семьей, съ окружающимъ!

кустъ плоча. Его гибкія вѣтви свѣшивались и гнулись во все стороны, жалобно шелестя

Марія вздрогнула.

Андрей, зачѣмъ ты вырвалъ его? — внезапно воскликнула она. — Это мой, мой любимый плочъ, я сама посадила его въ концѣ сада, чтобы онъ напоминалъ мнѣ нашу сторону, — какъ бы про себя говорила она. — Такъ роскошно разросся... зачѣмъ? зачѣмъ было брать его оттуда?

тилось въ глубинѣ ея души, точно совершалась большая несправедливость, какъ будто этотъ плочъ въ эту минуту сплелся съ ея собственной судьбой.

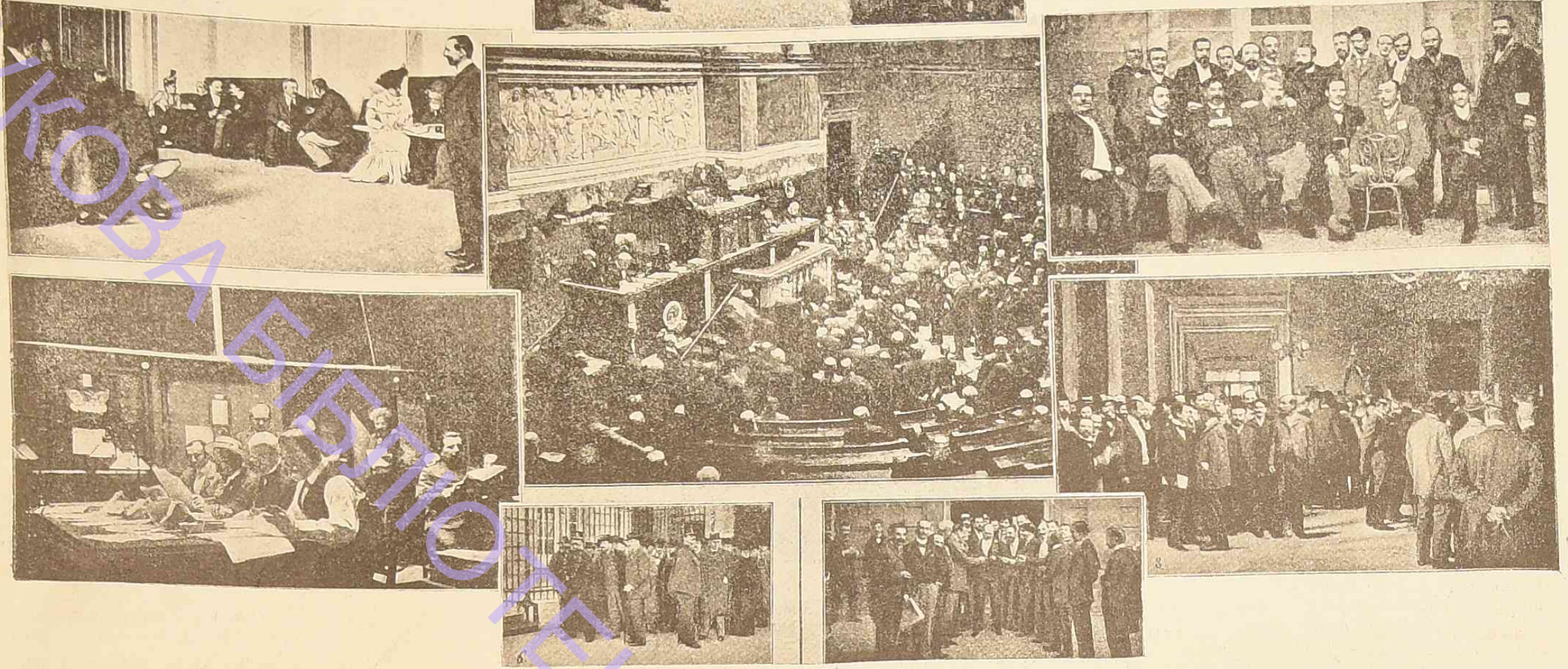
Что то задержало ея нервами, и почти со слезами на глазахъ, она сказала:

— Я прошу тебя, отнеси сейчасъ же это растеніе и посади его тамъ, гдѣ оно раньше...

Андрей выпрямился и съ нѣмымъ

удивленієм смотрѣлъ на нее.
 Ему странно казалось, что молодая барыня могла объявить свою волю, она, которая никогда не интересовалась узнать, что дѣлается въ саду и теплицѣ.
 Смущеніе охватило его въ виду не обыкновеннаго факта.
 — Баринъ уже два раза напоминалъ

му мнѣ было жаль этого плота... почему и хотѣлъ...
 Прервала разговоръ и, тихо прижимаясь къ нему, обвила его бѣлыми руками, въ эту минуту сама похожая на кобалинскую вѣтвь плота.
 Но онъ окинулъ ее такимъ брезгливымъ взглядомъ чего то высшаго,

1) и 5). Парламентская пресса въ ожиданіи дебатовъ и за работою. 2) и 4) Парламентскіе кулуары. 3) Засѣданіе палаты. 6) У парламентскаго подъѣзда. 7) Раздача входныхъ билетовъ. 8) Въ ожиданіи бурнаго засѣданія.

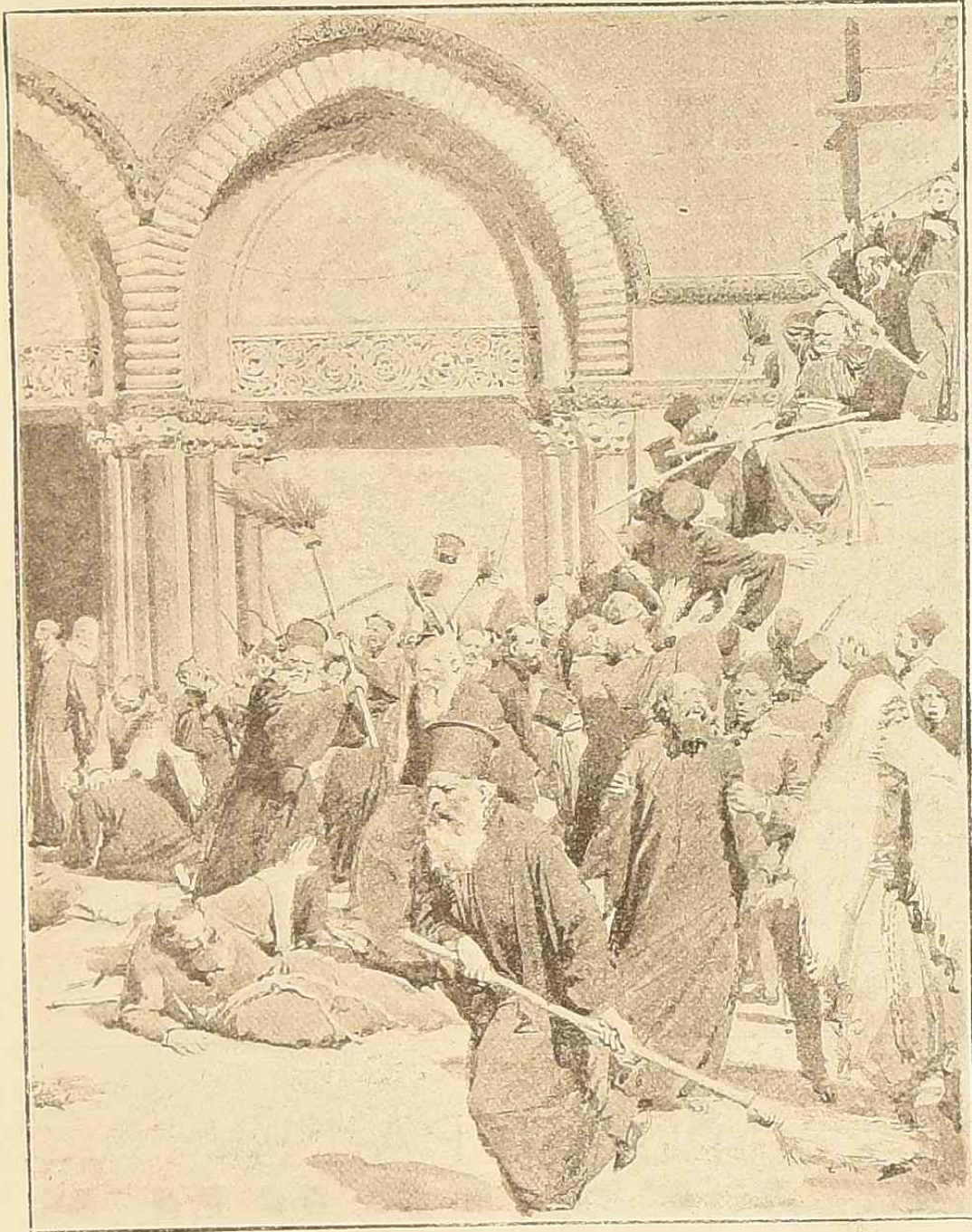
ВЪ БУРБОНСКОМЪ ДВОРЦѢ.—Сцены въ французской палатѣ депутатовъ.

мнѣ объ этомъ. Баринъ страшно не любить, если я не исполняю его приказаній,—ворчалъ старикъ, пожимая плечами.
 — Что я приказываю, Андрей, сейчасъ-же исполни!—сказала она такъ рѣшительно, что старый слуга тихимъ, тяжелымъ шагомъ пошелъ назадъ, точно ожидалъ онъ, что его могутъ вернуть.
 Въ эту минуту /элегантный, изящ-

ный, одѣтый по послѣдней модѣ, Евгеній остановился на порогѣ.
 Очевидно, онъ слышалъ разговоръ съ огородникомъ, потому что довольно сухо сказалъ:
 — Что это за странный капризъ!.. Почему ты отмѣнишь мои распоряженія?..
 А она, оробѣвъ отъ его голоса оступила глаза, но черезъ минуту тономъ просьбы воскликнула:

— Прости меня! Мнѣ сдѣлалось такъ жаль этого плота, который росъ свободно... Ему плохо будетъ, онъ засохнетъ въ полутемномъ залѣ.. кромѣ того, онъ напоминалъ мнѣ наше дѣвичество...—тише добавила она.
 — Ты, вѣроятно, будешь смѣяться, но мнѣ казалось, что какое то волшебное, живое существо хотѣло обидѣть!..
 — Сентиментализмъ, моя дорогая! —сухо отвѣтилъ онъ.—Однако ты поступила нетактично, отмѣняя мое распоряженіе. Я не понимаю, что тебѣ нужно? Въдѣ твоего любимаго плота встрѣчаетъ честь, если изъ дикаго уголка сада перенесенный въ залъ, онъ будетъ украшать мраморныя колонны. Капризничаетъ, дорогая Марынька! Изъ принципа хочу, чтобы было сдѣлано такъ, какъ я велѣлъ. Довольно о б ѣ этомъ. — добавилъ онъ, стара, тельно надѣвая перчатки. —Предметъ исчерпанъ. Буду на званый завтракъ. Ба, я опоздалъ уже!—воскликнулъ онъ смотря на часы.
 Наклонился къ ней и покровительственнымъ поцѣлуемъ легко прикоснулся къ челу.
 Марія разгоряченнымъ взглядомъ посмотрѣла на него. Сегодня что-то странное происходило въ ея сердцѣ.
 — Останься на минуту - шепнула она — мнѣ такъ скучно быть одной со своими мыслями! Останься!.. Я объясню тебѣ, поче-

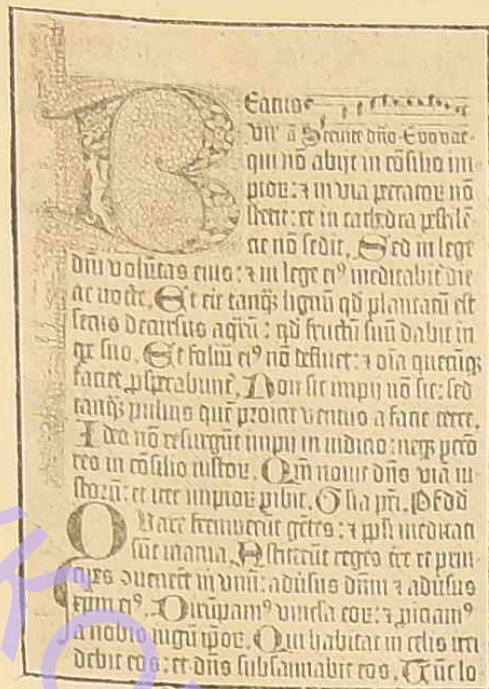
что ея бѣлыя руки сами распались и безвольно упали...
 — Другой разъ, моя дорогая, другой разъ!—сказалъ онъ, торопливо застегивая перчатку.—Я опоздалъ на цѣлую четверть часа! Не будь ребенкомъ. Marie. —сказавъ эти слова, поспѣшно прошелъ въ залъ, быстро сбѣжалъ съ лѣстницы и черезъ минуту слышенъ былъ стукъ колесъ отъѣзжавшаго экипажа.
 Марія опять осталась одна.
 Что-то давило ее, сдерживаемая боль сжимала ей горло; ей хотѣлось плакать, кричать о помощи, бороться! Съ кѣмъ?.. зачѣмъ?..
 — Ахъ! какъ-же все это скучно!..

Побѣще между католическими и греческими монахами у гроба Господня.

А. Лоренцъ, опереточная артистка гастролирующая въ Русскомъ театрѣ.

Первопечатная псалтырь (1459), проданная на дняхъ въ Лондонѣ за 52,500 рублей. (Оттискъ второй страницы).

ей рукъ, и, устремивъ взглядъ вдаль, шепнула:

— Почему?... почему?... почему?...

ОДНО СЛОВО.

Макса Бераштейна *).

Между жизнью и смертью. Нѣтъ, въ предсмертной агоніи. Три дня и три ночи продолжалась эта мука. Не для него. Онъ лежалъ въ безсознаниі, съ закрытыми глазами, и, если изрѣдка открывалъ ихъ, взоръ его скользилъ вгору безъ выраже-

нью, какъ ей глазъ. Да и то не надолго.

Каждая минута, которую она теряла, казалась ей грѣхомъ, преступленіемъ. Она хотѣла бы удерживать мгновенья. Она готова была просить прощенья за каждую минуту въ прошломъ, когда не всеми своими помыслами принадлежала ему.

У нихъ рѣдко бывали разговоры. И единственный разъ, по серьезному поводу... Какъ она оказалась виновата передъ нимъ, какъ онъ великодушно простилъ ей, улыбаясь, и какъ благороденъ онъ былъ, не вспоминая объ этомъ ни разу потомъ! Дѣло было такъ. Она показала ему анонимное письмо, написанное незнакомою рукой; въ письмѣ рѣчь шла объ его отношеніяхъ къ

Пять поколѣній.

Ребенокъ, мать, бабушка, прабабушка и прапрабабушка его, все въ живыхъ, въ деревнѣ Пленуа во Франціи.

нѣя. Эту муку испытывала жена, которая видѣла, какъ ее мужъ умираетъ.

Извѣстнѣйшіе врачи приходили, уходили и снова приходили. Они были безпомощны передъ этимъ тѣломъ, жизненные силы котораго угасали. Они сказали женѣ, что нѣтъ надежды на выздоровленіе. Она не хотѣла этому вѣрить. И если онъ долженъ умереть — пусть хоть на мгновенье придетъ въ сознаніе, пусть хоть одно слово еще скажетъ ей, пусть хоть разъ еще взглянетъ на нее, услышитъ ее...

Она хотѣла бы въ одномъ звукѣ выразить ему все: признательность за его любовь и вѣрность, за всю спокойную счастливую жизнь, за то, что, охраняемая его

этой красивой женщиной...

Онъ прочелъ его и только спросилъ: „Ты вѣришь?“ И она — о какъ это мучитъ ее теперь! — она не нашла въ себѣ достаточно мужества, чтобы отвѣтить: „нѣтъ!“ Она молчала. Тогда онъ продолжалъ спокойно: „даю тебѣ честное слово, что это — ложь. Ты все еще вѣришь письму?“ Нѣтъ, она вѣрила ему и вѣрующая упала въ его объятія. Онъ прижалъ ее къ сердцу, нѣжно цѣлуя. Онъ никогда больше не говорилъ объ этомъ.

Она спала на диванѣ, побѣжденная усталостью. Вдругъ ее разбудила сидѣлка...

— Сударыня, баринъ проснулся — онъ въ сознаніи... но... кажется...

Она не слушала дальше. Она ужъ сто-

Памятникъ Христіану Девету,

чь деревнѣ Ширштейнѣ (близъ Висбадена), сооруженный на добровольный пожертвованій 500 нѣмцевъ, по-сидшихъ ими Христіана.

яла на колыскахъ у его ложа, сжимала его руки, склонилась надъ нимъ и искала сознанія въ его взорѣ... Но взглядъ его снова затуманился. Онъ не узнавалъ ее. Его губы, къ которымъ она готова была прильнуть поцѣлуемъ, зашевелились, и вмѣстѣ съ послѣднимъ дыханіемъ, слегло одно слово.

Съ отчаяннымъ крикомъ упала она на полъ у постели. Когда она, послѣ глубокаго обморока, пришла въ себя, ей сказали, что все ужъ кончено.

Она давала все необходимыя распоряженія такъ спокойно, точно исполняла обязанность. Она бродила точно въ забытіи. Она не плакала. Окружающіе говорили въ изумленіе: — она — герой.

Въ ней умерло все, жило лишь то слово, съ которымъ онъ сошелъ въ могилу. То было имя той красивой женщины.

съ горькой улыбкой шепнула она. Встала и, вытянувшись, какъ сонная, блѣлая и грустная пошла по усыпанной пескомъ дорожкѣ, среди изумрудной зелени.

Шла она такъ тихо, что огородникъ съ помощникомъ, работающіе при оранжереѣ, не замѣтили ее и продолжали оживленный разговоръ.

Ну, какъ же теперь будемъ съ этой зеленью? заговорилъ молодой огородникъ, рукой закрывая себѣ ротъ. — Онъ говоритъ да, она — нѣтъ!.. Стрижено брито! Ха-ха-ха! Комедія съ этими барами и баста!

— Когда она какая то... Господи прости!... — проворчалъ старій Андрей. Про своихъ господъ нельзя плохо говорить, но если бы она была у насъ, то вѣрно бы сказали, что она „разстроенная“!

— Хи-хи-хи! — засмѣялся мальчикъ, готовый смѣяться при всякомъ удобномъ случаѣ. — Хорошо сказано! Должно быть на самомъ дѣлѣ „разстроенная“. Хи-хи-хи! Она такая скучная, задумчивая, а вѣдь у ней все есть. Такое богатство... О, Господи!.. Если бы намъ, Андрей, хотя немного этого добра, что имѣють господа, вотъ бы погулялъ человекъ, а смѣялся бы...

— Глупъ ты, Валекъ, разбранился старикъ, — ты и теперь болтаешь, какъ разстроенный, а если бы тебѣ досталось богатство, ты былъ бы совсѣмъ дуракомъ.

Марія смотрѣла стекляннымъ взглядомъ. Болѣзненная улыбка появилась на устахъ.

— Да — шепнула она, — для свѣта деньги — это все. Сердце?... Кто же спрашиваетъ о сердцѣ?... Сантиментализмъ!... звучали въ ея ушахъ слова мужа.

То, что въ простомъ разговорѣ высказали уста этихъ людей, то же самое подъ защитой этикета проглядывало вездѣ: то же выраженіе наивнаго удивленія, что, окруженная дольствомъ и роскошью, она кажется несчастной!..

Пустая жизнь!.. Столько связей, столько паутины охватываютъ невидимую сѣть!.. Но бываютъ минуты, въ которыхъ эти невидимыя нити врѣзываются въ душу, какъ веревки, и болятъ... болятъ!..

Какъ въ хаосѣ въ какомъ то заколдованномъ кругу блуждали перепутанныя мысли ея. Зачѣмъ ее вырвали, какъ павлику, изъ тихой страны и велѣли быть игрушкой въ большихъ золоченныхъ залахъ? Почему онъ третируетъ ее какъ ребенка и не хочетъ посмотрѣть въ глубину сердца?.. Почему между ними раздѣленіе?.. И вѣчно ли вѣчно такъ должно быть?

Не умѣла она отвѣтить себѣ на этотъ вопросъ, но глухой бунтъ поднимался въ ея молодой груди. Сѣла на березовой скамеечкѣ въ углу сада, подняла стоптанную вѣтку любимаго плуца, листья котораго дрожали въ

крѣпкой рукой, она сохранила вѣру во все высокое и прекрасное.

Сидѣлки смѣялись. Лишь она оставалась неизмѣнно у его постели, ухаживала, оказывая всякую услугу, пока сонъ не смы-

*.) Переводъ съ нѣмецкаго „Д. Р.“

М О Д Ы.

О Б њ Я В Л Е Н І Я.

ФОНОГРАФЫ
С. УТОЧКИНЪ
Магазинъ, Екатерининская площадь.